

Николай БЛОХИН

«ВСЁ ТИХО — НА КАВКАЗ ИДЕТ НОЧНАЯ МГЛА...»

Творческая биография одного из лучших стихотворений А. С. Пушкина, которое мы помним по первой строке «На холмах Грузии лежит ночная мгла...», стала известна благодаря замечательному знатоку пушкинских черновиков литературоведу, профессору Московского государственного университета С. М. Бонди (1891–1983).

Сорок лет нет с нами Сергея Михайловича. Но все начинающие исследователи по пушкиноведению обращаются к его работам, к фильму «Рукописи Пушкина», снятому по сценарию С. М. Бонди. И не случайно: Сергей Михайлович расшифровал чрезвычайно трудный для прочтения пушкинский текст и еще в 1930 году опубликовал результаты своего исследования. Оказалось, что прекрасное лирическое стихотворение Пушкина начиналось в рукописи совсем по-другому. В нем еще недостает некоторых знаков препинания, но первая строфа, первые четыре строки, судя по автографу, считал С. М. Бонди, были уже придуманы. Они записаны твердым, ясным почерком:

Все тихо — на Кавказ ночная тень легла
Мерцают звезды надо мною —
Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою.

В автографе над стихотворением поэт сделал надпись: «15 мая». Пушкинисты давно сошлись во мнении, что это, несомненно, 15 мая 1829 года. Далеко не все читатели помнят, что написано оно во время второй поездки поэта на Кавказ в 1829 году. Первая поездка состоялась в 1820 году, с семейством генерала Н. Н. Раевского.

А начиналась дорога к известному стихотворению в Северной столице. Получив 5 марта 1829 года подорожную «до Тифлиса и обратно» за подписью Санкт-Петербургского почт-директора Константина Булгакова, через четыре дня Пушкин выехал из Северной столицы. В Москве он сделал остановку и посетил Наталью Николаевну Гончарову, попросив ее руки. Получив неопределенный ответ, Пушкин огорчился.

Отставной гвардейский офицер Ф. И. Толстой сделал от имени Пушкина еще одну попытку. Выступив посредником в сватовстве Пушкина, Федор Иванович 1 мая 1829 года побывал у Натальи Ивановны Гончаровой, матери Натальи Николаевны, и попросил руки ее дочери. И снова был неопределенный ответ. Написав Наталье Николаевне письмо, Пушкин покинул Москву и отправился на юг. По дороге он заехал в Орёл к генералу А. П. Ермолову, бывшему тогда в отставке и в опале. Затем Пушкин ехал через Елец, Задонск, Воронеж, Казанскую, Павловск...

«До Ельца дороги ужасны. Несколько раз коляска моя вязла в грязи, достойной грязи одесской. Мне случалось в сутки проехать не более пятидесяти верст. Нако-

Николай Блохин — член Союза журналистов России, член редколлегии альманаха «Литературное Ставрополье».

нец увидел я воронежские степи и свободно покатился по зеленой равнине», — писал Пушкин.

Миновав Новочеркасск, Ставрополь, 15 мая 1829 года Пушкин, не заезжая в Георгиевск, приказал следовать на Горячие Воды. Александр Сергеевич пробыл на Горячих Водах весь день, до наступления темноты.

«Здесь нашел я большую перемену, — писал Пушкин в „Путешествии в Арзрум“. — В мое время ванны находились в лачужках, наскоро построенных. Источники, большей частью в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор по разным направлениям, оставляя по себе белые и красноватые следы. Мы черпали кипучую воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки. Нынче выстроены великолепные ванны и дома. Бульвар, обсаженный липками, проведен по склонению Машука. Везде чистенькие дорожки, зеленые лавочки, правильные цветники, мостики, павильоны. Ключи обделаны, выложены камнем; на стенах ванн прибиты предписания от полиции; везде порядок, чистота, красивость...

Признаюсь: Кавказские воды представляют ныне более удобностей; но мне было жаль их прежнего дикого состояния; мне было жаль крутых каменных тропинок, кустарников и неогороженных пропастей, над которыми, бывало, я карабкался. С грустью оставил я воды и отправился обратно в Георгиевск. Скоро настала ночь. Чистое небо усеялось миллионами звезд. Я ехал берегом Подкумка. Здесь, бывало, сживал со мною А. Раевский, прислушиваясь к мелодии вод. Величавый Бешту чернее и чернее рисовался в отдалении, окруженный горами, своими вассалами, и наконец исчез во мраке...»

Находясь под впечатлением увиденного, Пушкин возвращался в Георгиевск и вспоминал свою первую поездку на Кавказ, Александра Раевского. В тот же день, остановившись в частной гостинице Георгиевска, поэт достал из дорожного сундука большую переплетенную тетрадь и записал в ней стихотворение, которое отвечало его настроению, его воспоминаниям о прежней любви.

Затем, это хорошо видно в рукописи стихотворения, Пушкин изменил первые две строки: в первой «ночная тень легла» заменил на «сошла ночная мгла», исправил еще раз на «идет ночная мгла»; во второй строке вместо «мерцают» написал сверху «восходят». Третью и четвертую строки поэт оставил без изменений:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла
Восходят звезды надо мною, —
Мне грустно и легко — печаль моя светла
Печаль моя полна тобою —

Позднее Пушкин перенесет место действия в Грузию, заменит первые две строчки и допишет еще четыре новых:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

Именно этот вариант стихотворения Пушкин опубликовал в журнале «Северные цветы на 1831 год», озаглавив его «Отрывок». Затем повторил его в третьей части книги

«Стихотворения Александра Пушкина» 1832 года издания, но без названия. В оглавлении оно обозначено так: «(На холмах Грузии лежит ночная мгла). Отрывок».

Пушкинисты разных поколений предполагали, что стихотворение «На холмах Грузии лежит ночная мгла...» — часть более крупного целого произведения и что оно имеет продолжение. Ответ на это предположение дал литературовед С. М. Бонди. Извлекая несвязные отрывки из черновика этого стихотворения, Сергей Михайлович кропотливо, день за днем, разбирал моменты творческой работы Пушкина и установил, что, кроме напечатанных восьми строк, можно прочесть еще две строфы:

Все тихо. На Кавказ идет ночная мгла.
Восходят звезды надо мною.
Мне грустно и легко. Печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою.

Тобой, одной тобой. Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого
Что не любить оно не может.

[Прошли за днями дни. Сокрылось много лет.
Где вы, бесценные созданья?
Иные далеко, иных уж в мире нет —
Со мной одни воспоминанья.]

Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь.
И без надежд, и без желаний.
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
И нежность девственных мечтаний.

Рассматривая черканную, перечерканную рукопись, ученый спрашивал: «Можно ли считать эти четыре строфы цельным, законченным стихотворением?» И отвечал: «Я думаю, что нет». Третью строфу, многократно измененную, Пушкин вычеркнул. Ученый считал, что переход от нее к четвертой «звучит несколько натянуто». Может быть, эти строфы — «заготовка», только материал для стихотворения? Две первые измененные строфы с перенесенным местом действия в Грузию Пушкин печатал под заголовком «Отрывок». Тогда что это за строки? К кому они обращены? К какой-то другой женщине: «Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь»? Неудачное сватовство к Гончаровой заставило Пушкина вспомнить о старом чувстве: «И сердце вновь горит и любит»?

Сергей Михайлович не исключал возможность «каких-либо конкретных опасений», которые побудили поэта изменить первые две строфы и отказаться от остальных.

«Если бы у нас не было самим Пушкиным напечатанного текста и двух его беловых автографов, — писал С. М. Бонди, — то единственной, окончательной редакцией этого стихотворения стали бы восемь стихов, получившихся от соединения первой и четвертой строф черновика. А сейчас эти стихи, не отменяя, конечно, известной печатной редакции, представляют собой данным самим Пушкиным (а вовсе не произвольно скомпанованный редактором) новый вариант знаменитого стихотворения, вариант вполне законченный, значительно отличающийся от стихотворения „На холмах Грузии“ и, пожалуй, не уступающий ему в художественном отношении:

Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла.
 Мерцают звезды надо мною.
Мне грустно и легко, печаль моя светла.
 Печаль моя полна тобою.
Я твой по-прежнему, тебя люблю я вновь —
 И без надежд, и без желаний,
Как пламень жертвенный, чиста моя любовь
 И нежность девственных мечтаний.

Это стихотворение следовало бы печатать среди сочинений Пушкина рядом с „Отрывком“ („На холмах Грузии“), как вполне законченную прекрасную вариацию того же замысла».

Это предложение С. М. Бонди высказал еще в 1930 году, но оно до сих пор не принято ни пушкинистами, ни издателями сочинений А. С. Пушкина. С. М. Бонди писал: «...пушкинский черновик — драгоценный документ, в котором зафиксированы все стадии творческого процесса, сохранена вся его последовательность, все постепенные наслаения, как разрез древесного ствола сохраняет всю историю роста дерева».

Разобранный Сергеем Михайловичем черновик Пушкина дает читателю не разрозненные «наброски продолжения», а следы большой работы. Ученый считал, что «новый текст создан был Пушкиным еще до напечатания стихотворения „На холмах Грузии“». Что он вовсе не является «последней волей автора» и, как сказано у С. М. Бонди, «не отменяет известной печатной редакции». Стихотворение «Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла...» С. М. Бонди рассматривал как вполне законченное произведение, как «прекрасную вариацию того же замысла».

Возвращаясь из Закавказья, Пушкин вновь побывал на Горячих Водах. За три проведенных недели на водах, с 15 августа по 8 сентября 1829 года, он принял девятнадцать нарзанных ванн, уплатив за них, как свидетельствует запись в журнале принимаемых посетителями ванн, девятнадцать рублей. 8 сентября 1829 года Пушкин получил в Горячеводском комендантском управлении новую подорожную. В ней было записано: «От Горячих Минеральных Вод до города Георгиевска господину чиновнику 10 класса Пушкину от казачьих постов, по два конновооруженных казака без малейшего задержания и к проезду всякое оказывать пособие».

В тот же день поэт покинул Горячие Воды. В Георгиевске Александр Сергеевич остановился в той же двухэтажной частной гостинице, близ Никольской церкви.

Гостиница, в которой останавливался Пушкин и где родилось стихотворение «Все тихо — на Кавказ идет ночная мгла...», не сохранилась до наших дней. Здание разрушено в годы Великой Отечественной войны. Общий вид здания запечатлел для потомков художник Н. Васин, выполнивший рисунок по плохо сохранившейся фотографии и воспоминаниям старожилов Георгиевска.

В Ставрополе Пушкин еще раз сделал остановку, поселившись в заезжем доме на Большой Черкасской улице по соседству с Троицким собором. До наших дней не сохранились ни заезжий дом, ни Троицкий собор. На месте собора стоит здание современной гостиницы «Интурист». На следующий день утром Пушкин отправился далее, на север, в Новочеркасск.

Память о пребывании поэта в Георгиевске сохранена в названии одной из улиц. Центральная библиотека города носит имя А. С. Пушкина. Жаль, что до сих пор в Георгиевске нет литературного памятника, ведь не побывай Пушкин второй раз на Кавказе, наверное, и не было бы одного из лучших лирических стихотворений в русской литературе, начинающегося словами: «Всё тихо — на Кавказ идет ночная мгла...»